

РУССКИЙ МИР В ОПТИКЕ СОПРЯЖЕНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕФЛЕКСИИ

УДК 101.1:316

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-68-73>

М. М. Шибаева

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: skyday.VM@yandex.ru

Г. В. Варакина

Российский государственный университет
имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство),
Москва, Российская Федерация,
e-mail: galina_varakina@mail.ru

Аннотация. Тема данной статьи обусловлена явной несводимостью понятия и сущности русского мира к политологическому дискурсу и публицистической патетике. Многогранность русского опыта постижения смысложизненных проблем предстает в отечественной культуре как интеллектуально-нравственное подвижничество в сфере духовно-творческих исканий. Содержательная ёмкость и интонационное богатство философского и художественно-творческого полилога вокруг феноменальности русского мира свидетельствуют о влиянии на духовно-нравственные искания отечественных мыслителей и художников (в широком смысле) такой ментальной особенности, как «исконно русский максимализм» (Карсавин). Автору статьи было важно показать, что двухвековой полилог вокруг ценностно-смысовых оснований русского мира неотделим от такой традиции отечественной культуры, как сопряженность философской, богословской и художественно-эстетической мысли о целях культурно-исторического пути России и особенностях национального самосознания.

Ключевые слова: русский мир, Россия, философская и художественная рефлексия, отечественная культура, ментальность, православные ценности, идеал Всеединства.

Для цитирования: Шибаева М. М., Варакина Г. В. Русский мир в оптике сопряжения философской и художественной рефлексии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №3 (119). С. 68–73. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-68-73>

ШИБАЕВА МИХАЛИНА МИХАЙЛОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, Московский государственный институт культуры

ВАРАКИНА ГАЛИНА ВЛАДИСЛАВОВНА – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры общего и славянского искусствознания, Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)

SHIBAEVA MIKHALINA MIKHAILOVNA – DSc in Philosophy, Professor at the Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture

VARAKINA GALINA VLADISLAVOVNA – DSc in Cultural Studies, Associate Professor, Professor at the Department of General and Slavic Art History, The Kosygin State University of Russia (Technology. Design. Art)

© Шибаева М. М., Варакина Г. В., 2024

THE RUSSIAN WORLD IN THE OPTICS OF JUXTAPOSITION PHILOSOPHICAL AND ARTISTIC REFLECTION

Mikhailina M. Shibaeva

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: skyday.VM@yandex.ru

Galina V. Varakina

The Kostygin State University of Russia
(Technology. Design. Art),
Moscow, Russian Federation,
e-mail: galina_varakina@mail.ru

Abstract. The topic of this article is driven by explicit irreducibility, concepts and essence of the Russian world to political science discourse and journalistic pathos. The versatility of the Russian experience of comprehending the problems of meaning in life appears in Russian culture as intellectual and moral asceticism in the sphere of spiritual and creative quests. The content capacity and intonation richness of the philosophical and artistic-creative polylogue around the phenomenality of the Russian world testify to the influence on the spiritual and moral quest of Russian thinkers and artists (in the broad sense) of such a mental feature as "original Russian maximalism" (Karsavin). It was important for the author of the article to show that the two-century polylogue around the value and semantic foundations of the Russian world is inseparable from such a tradition of national culture as the conjugation of philosophical, theological and artistic and aesthetic thoughts about the goals of the cultural and historical path of Russia and the characteristics of national self-awareness.

Keywords: Russian world, Russia, philosophical and artistic reflection, domestic culture, mentality, Orthodox values, the ideal of All-Unity.

For citation: Shibaeva M. M., Varakina G. V. The Russian world in the optics of juxtaposition philosophical and artistic reflection. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 3 (119), pp. 68–73. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-3119-68-73>

*Существует русский подход к мировым
философским проблемам, русский способ
их переживания и обсуждения*
Борис Вышеславцев

*Мы, русские, томимы постоянной метафизической
и религиозной жаждой, мы постоянно носимся то
в той, то в другой форме с мировыми вопросами*
Сергий Булгаков

*Что такое мы?
Владимир Одоевский*

*Худо мерить Европу на русский ариин, но ещё
хуже мерить Россию на ариин Европы*
Георгий Федотов

Неисчерпаемость обостренного интереса к России и к своеобразию ее культурно-исторического опыта подтверждается традицией полемизирования вокруг сугубо русских вопросов. В их ряду, разумеется, и те вопросы самоопределения и самоидентификации, которые глубоко и страстно проживались русскими мыслителями и художниками, продолжая волновать и в наши дни.

Обращение к теме русского мира – как на понятийном, так и на онтологическом уровне – носит, как известно, характер культурной традиции. В том и заключается «великая правда национального лица культуры» [14, Т. 1, с. 322], что её ценностный фонд создавался на почве сопряжения «бытового исповедничества» (И. В. Киреевский) русского народа и энергетики философской, богословской и художественно-творческой мысли о России.

Отсюда интеллектуальная глубина и эмоционально-экспрессивный «нерв» не прекращающегося диалога по поводу русского мира, сущность которого С. Л. Франк определял словосочетанием «своеобразная реальность». В немалой степени уникальность и многомерность русского мира обусловлены как пространственно-географическими и историческими факторами, так и фольклорной, мифопоэтической стихией нашего национального «Космо-психо-логоса» (Г. Д. Гачев), разнообразием культурных форм самовыражения народа. Вероятно, поэтому И. В. Киреевский, отстаивая в полемике с западниками идею самоценности культурно-исторического опыта, акцентировал внимание на том, что русская культура «представляет собой чисто внутреннее, интуитивное, чисто мистическое познание сущего, его скрытых глубин, которые могут быть постигнуты не посредством сведения к логическим понятиям, а только в символе посредством силы воображения и внутренней жизненной подвижности» [8, с. 289]. Такую же позицию занимал и И. А. Ильин, которому принадлежат слова: «Культура вовсе не исчерпывается культурою рассудочной. Есть ещё культура сердца, совести и чувства, есть культура служения, самоотречения и жертвенности».

«…есть культура веры и молитвы, есть культура храбрости и подвижничества. Этой-то культурой и строилась и держалась Россия» [4, Т. 6, с. 17].

Более чем очевидно, что неоднозначность русского мира как понятия и его разноликость как онтологического явления обусловлены теми «кружными путями истории» (Гегель), на которых формировались и выражали себя народное самосознание и национальный характер. С этой точки зрения уместно обратиться к такому ментальному свойству русского мира, как правдолюбие, жаждущее справедливости и праведности. Как заметил в своем фундаментальном труде «Русское мировоззрение» С. Л. Франк, «русский мыслитель, от простого богомольца до Достоевского, Толстого и Владимира Соловьева всегда ищет «правду»; он хочет не только понять мир и жизнь, а стремится постичь главный религиозно-нравственный принцип мироздания, чтобы преобразовать мир, очиститься и спастись» [15, с. 124].

Разумеется, данное умозаключение касается преимущественно славянофилов/почвенников и религиозных философов, связывающих модальность русского мессианства с сущностью православия. Стоит отметить при этом, что их духовно-нравственным исканиям не был чужд утопизм, так же как и завышенная оценка русского народа. С этой точки зрения уместно вспомнить Е. Н. Трубецкого: «Увлечение Россией воображаемой помешало нам рассмотреть Россию действительную и, что ещё хуже, русскую национальную идею: духовный облик России хронически заслонялся фантастической грёзой «народа-богоносца» [13, с. 348]. Думается, что такая прозорливость мыслителя подтверждается издержками пафосной риторики в медийном пространстве обсуждения русских вопросов, острота которыхозвучна драматическим реалиям современности.

В гораздо меньшей степени утопические грэзы обнаруживают себя в литературном типе художественной рефлексии. Начиная с просветительских комедий Дмитрия Фон-

визина («Бригадир» и «Недоросль»), «взыскующий» взгляд на ментальные проявления русского мира обрел статус национальной культурной традиции. До настоящего времени художественно-литературная форма самосознания является собой не только индикатор реального состояния российского общества и его умонастроения, но своеобразный катализатор философского интереса к открытым проблемам русского мира. С этой точки зрения, уместно напомнить о таких «знаковых» произведениях, как «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина и «Горе от ума» А. С. Грибоедова. При всех жанровых и стилистических различиях их содержательность, тональность и подтекст не могли не взбудоражить читателя эффектом узнавания тех или иных сторон русской жизни и культуры. Так Радищевым был введен в культурное пространство России мотив негодующего сострадания, выраженный в известном афоризме «Я взглянул окрест себя, и душа моя уязвлена страданиями человеческими стала». С определенными допущениями можно полагать «сродственность» сострадательной «музы» Радищева и некрасовской «музы гнева и печали». Что касается произведений историка и писателя-сентименталиста Карамзина, а также «критически мыслящей личности» – Александра Грибоедова, то именно в них впервые возникла тема сопоставления русского мира и европейского, которое в до сих пор занимает видное место в полемическом пространстве русского мира.

В свете этого симптоматично появление и такого первого романа культуры, как «Русские ночи» В. Ф. Одоевского. Духовно-нравственный контекст этого произведения позволяет и современному читателю почувствовать сопряженность сюжета и персонажей с темой гностических переживаний по поводу метафизического вопроса «Что есть истина?» И это неслучайно, поскольку автор «Русских ночей» был одним из создателей Общества любомудров, в котором зачиналась философская и художественно-творческая биография

поэтов Дмитрия Веневитинова, Федора Тютчева и русского поклонника Шеллинга, а через несколько лет славянофилы Ивана Киреевского с его концепцией «живой истины». Уже в интеллектуальных диалогах персонажей «Русских ночей» отечественному читателю были явлены сомнения в западноевропейской апологии ratio и юношеские мечтания о достижении посредством «верующего мышления» гармонии ума и сердца.

Именно поэтому в ряду ключевых моментов «споров до слёз» (Кавелин) заметное место принадлежит философско-педагогической проблематике, неотделимой от задач и перспектив совершенствования российской действительности. По убеждению романтически настроенных славянофилов, образовательная система русского мира способна принести плоды знания и гуманизма лишь на основе «союза» веры и знания. Нетрудно заметить, что такая позиция являла собой содержательный вызов секулярности и рационализму Запада, о чем свидетельствует статья И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношения к просвещению России». Именно в данной статье были выделены и осмыслены ментальные параметры водораздела в познавательно-образовательной сфере западного и русского мира: «Там раздвоение сил разума, здесь – стремление к их совокупности, там движение ума к истине посредством логического сцепления понятий, здесь – стремление к ней посредством внутреннего возвышения самосознания к сердечной цельности и средоточию разума, там схоластические и юридические университеты – в древней России молитвенные монастыри, сосредоточившие в себе высшие знания» [8, с. 289]. По сути, данная статья может расцениваться как «первый шаг» к традиции напряженного переживания в адрес «там и здесь», который изначально определил специфические черты философской и художественной рефлексии и активизировал русское самосознание в поисках ответа на вопросы «Кто мы такие?» и «Куда ж нам плыть?».

Осмысливание вклада отечественных философов и писателей в постижение различных

граней и противоречий такого уникального явления, как «русский мир», убеждает в закономерности многовековой полемики вокруг отечественной истории и культуры.

С этой точки зрения нельзя обойти тот факт, что отправным моментом споров между славянофилами (как «консерваторами») и западниками (прогрессистами – либералами) стали полярные оценки Петра Первого и его реформ. Если русские романтики, мыслители первого поколения (то есть славянофилы), выражали двойственное отношение к тому, что первый император России «в Европу прорубил окно», то их «младшие братья», почвенники, обстоятельно аргументировали свое сомнение в ценности петровских преобразований, отвергая их положительную оценку со стороны П. Я. Чаадаева, А. И. Герцена и А. С. Пушкина. Так, автор резонансной для русской общественности книге «Россия и Европа» Н. Я. Данилевский оценивал как огромный вред для русского мира «заемствование иностранных учреждений и пересадку на русскую почву» [4 с. 274]. Западники же в лице П. Я. Чаадаева, А. И. Герцена и К. Д. Кавелина положительно, с чувством исторического оптимизма, относились к тому, что «Россия молодая мужала гением Петра» (А. С. Пушкин). А между тем такая полемика была бы невозможна в изоляционных условиях допетровского государства по причине отсутствия просвещенных субъектов историософской полемики. Неслучайно Г. П. Федотов подчеркивал, что «Петровская реформа действительно вывела Россию на мировые просторы, поставив её на перекрестке великих культур Запада, и создала породу русских европейцев» [14, Т. 2 с. 175]. В свете данного высказывания заслуживает внимательного прочтения («вживания, вчувствования», говоря словами М. М. Бахтина) статья Е. В. Мареевой, посвящённая феномену русского европеизма [9].

Существенной предпосылкой полемической традиции, воплощаемой в двух формах самосознания культуры – философии и искусстве – была потребность самоопределения «между данными западной философией

и традициями внутренней жизни восточного христианства» [1, с. 54], а также между миром европейских ценностей и аксиосферой Востока. О том, насколько страстно отзывалась «дуальность русской души» (Г. П. Федотов), иллюстрируют следующие строки Владимира Соловьева: «О, Русь! в предвиденье высоком / Ты мыслью гордой занята... / Каким же хочешь быть Востоком? / Востоком Ксеркса иль Христа?»

Более чем очевидна глубинная взаимосвязь потребности укрепления духовных оснований русского мира и определения идеала. В страстности обсуждения вопроса об идеале как ценности-цели проявился, говоря словами Л. П. Карсавина, «исконно русский максимализм». В пространственно-временном континууме сопряжения философской и художественной рефлексии гипотетический образ идеала переживался особенно сокровенно по той причине, что «русский человек не может существовать без абсолютного идеала, хотя часто с трогательной наивностью признает за таковой нечто совсем неподобное» [6, с. 214]. Полемическую традицию в отечественной аксиологии К. Д. Кавелин объяснял тем, что поскольку «с византийско-татарскими идеалами мы не ужились, с европейскими тоже плохо уживаемся, то наши идеалы все еще в наших школьных тетрадках и из-за них мы до слез спорим между собой» [5, с. 411].

В свете длительного «споря до слёз» по поводу «путеводной нити» культурно-исторического развития представляются поистине подвижническими усилия ряда религиозных мыслителей предложить концепцию идеала Всеединства. Тип данного идеала опосредованно соотносится с аксиологическим опытом рефлексии над историческим предназначением России¹. Её «Особенная стать» (Тютчев) виделась религиозным мыслителям как ведущая сила грядущего преобразования мира на основе христианских ценностей.

¹ Особенности данного типа культурфилософской рефлексии раскрыты мной в монографии «Культура в зеркале русской мысли» [16].

Так, В. С. Соловьев именно с Россией связывал модальность достижения цели «вселенской», суть которой он определял как «образование всецелой общечеловеческой организации в форме цельного творчества, или свободной теургии, цельного знания или свободной теософии и цельного общества, или свободной теократии» [12, с. 177]. Такого рода футурологическое «кредо» оригинального русского мыслителя свидетельствует о его глубокой убежденности в том, что Россия обладает мощным потенциалом субъекта преобразования «дольнего» мира в соответствии с системой христианских ценностей.

Соловьевский оптимизм относительно вселенской «сверхзадачи» оказалсяозвучным духовно-нравственным исканиям Л. П. Карсавина с его «метафизикой всеединства» на основе соборности и исканиям Н. Ф. Федорова, чья «Философия общего дела» являла собой Проект преодоления смертности посредством «воскрешения отцов сынами человеческими». При этом важно иметь в виду следующее умозаключение автора монографии «Философия русского космизма» С. Г. Семеновой: «Метафизика всеединства строится на идеале космической соборности, гармоническом единстве множества, в котором каждый элемент равнозначен другому и целому» [11, с. 438].

Тем не менее, далеко не все мыслители разделяли аксиологический пафос Соловьева и его единомышленников. В частности П. И. Новго-

родцев ввел и разработал – в противовес Идеалу Всеединства – понятие общественного идеала. Причем автор работы «Об общественном идеале» не отрицал значения и абсолютного идеала, но подчеркивал, что «к нему нельзя перелететь на крыльях фантазии; но осуществлять конкретные цели, добиваться разрешения самых трудных исторических задач, это значит восходить по ступеням бесконечной лестницы» [10, с. 121].

Таким образом, глубокая и страстная озабоченность «конкретного и живого разума» проблемами русского мира проявляется в традиции сопряжения философской и художественной (литературной) оптик относительно русского мира как «своеобразной реальности». Отсюда и такая черта отечественной культуры, как взаимообусловленность историософского, аксиологического и религиозного подходов к различным аспектам русской жизни. Ценностно-смысловые основания русского мира вполне согласуются с тезисом С. Н. Булгакова о том, что творческое отношение к своей национальной культуре не допускает исключительности. [2, с. 650].

Вероятно, не случайно мотив всеотзвукчивости русского мира своеобразно актуализировался в советском искусстве (особенно в «почвенной литературе» и кино) и продолжает воспроизводиться едва ли не в различных формах культурного самосознания современной России.

Список литературы

1. Арсеньев Н. С. Духовные силы в жизни русского народа // Русские философы. Антология. Москва: Книжная палата. 1993. 112 с.
2. Булгаков С. Н. Нация и человечество // С. Н. Булгаков. Сочинения в двух томах. Т. 2. Избранные статьи. Москва: Наука. С. 644–654.
3. Ильин И. А. О России // И. А. Ильин. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 6. Москва: Русская книга, 2006.
4. Данилевский Н. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. Санкт-Петербург, 1995. 816 с.
5. Кавелин К. Д. Наши недоразумения. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. Москва: Правда. 1989. 653 с.
6. Карсавин Л. П. Восток, Запад и русская идея. Санкт-Петербург: Academia, 1922. 125 с.

7. Кот Ю. В., Кудрина Е. Л. Многообразие трактовок понятия «русский мир» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. Научный журнал. 2024. № 1 (107). Январь–февраль. С. 15–20.
8. Киреевский И. В. Критика и эстетика. Москва: Искусство, 1979.
9. Мареева Е. В. Русский европеизм и его исторические типы в свете диалектики особенного // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. Научный журнал. Сентябрь–октябрь, 2023, № 5 (105). С. 17–33.
10. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. Москва: Пресса, 1991. 640 с.
11. Семенова С. Г. Созидание будущего. Философия русского космизма. Москва: Ноократия, 2020. Т. 1. 456 с.
12. Соловьев В. С. Сочинения в двух томах. Москва: Мысль, 1991.
13. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. Москва: Юрайт, 2017. 300 с.
14. Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии истории и культуры в двух томах. Т. 1. Санкт-Петербург: София, 1991. Т. 2. Санкт-Петербург: София, 1992.
15. Франк С. Л. Русское мировоззрение. Санкт-Петербург: Наука, 1996. 736 с.
16. Шибаева М. М. Культура в «зеркале» русской мысли. Москва: МГУКИ. 2001. 249 с.

*

Поступила в редакцию 15.05.2024